

— Но, Анастасия, как ты пришла к выводу, что я не люблю рыбу?

Я не могла признаться, что узнала об этом, наблюдая за скоростью его моргания и тонким взглядом на рыбу на ложке.

Это было сравнимо с тем, как Ирина изучала интервалы между тем, когда я вдыхала и выдыхала.

После минутного раздумья я немного приукрасив, сказала:

— Ты выглядел немного более противоречивым, чем когда ешь другую пищу. Разве я неправа?

— ...Нет. Вообще-то, я не очень люблю морепродукты, – откровенно сказал Адель.

Я добавлю это в свой журнал исследований об Аделе, когда вернусь домой.

— Так ты не любишь блюда с икрой или омарами?

— Ну, я не ненавижу морепродукты. Я просто предпочитаю их меньше, чем другие продукты. То же самое касается и других вещей, кроме еды. А так мне всё нравится.

Я отражалась в его зрачках, которые излучали чувство приличия. Адель ответил на мой вопрос с равной смесью искренности и неискренности.

Я не знала, было ли это из-за Герцога или потому, что он всё ещё не хотел мне всё рассказывать.

Я приняла ответ Аделя, но всё равно немного поворчала.

— А я не люблю грибы.

Грецкие орехи люблю, но миндаль – нет. Помидоры черри люблю, но не люблю обычные помидоры. Кроме того, хотя жареный чеснок восхитителен, я так сильно ненавижу сырой чеснок, что могу умереть, съев хоть зубчик.

Я без ума от острой, солёной и сладкой пищи. Однажды я попыталась изменить свои привычки в еде, но потерпела неудачу. Я полностью сдалась после того, как это стало для меня слишком сложным.

Я надеюсь, что Адель тоже сможет отличить свои симпатии от антипатий.

— Анастасия, тебе нужно сократить потребление специй. Я бы хотел взять под контроль твою диету, но...

Адель вдруг начал приставать ко мне, так что я уставилась на него с пламенем в глазах.

— Если ты сделаешь это, рисунок, висящий в твоей спальне, будет оживать каждую ночь и душить тебя.

— Прежде всего, мне нужно поговорить с шеф-поваром Графа.

Адель закончил говорить, и я пожаловалась:

— Но Люк сказал, что всё, что мне нужно делать, это хорошо питаться!

— Думаю, он сказал это о нормальной кулинарии. Разве ты не ешь больше соли и перца, чем настоящей пищи?

Я надула щёки, взглянув на шафран, кардамон, орегано и т.д., которые я раньше не замечала.

Пока я демонстрировала своё недовольство, Адель улыбнулся мне и начал есть стейк, который изначально был моим.

Эй! Я испортила нарезку, так что же мне делать, если ты его съешь?! Мне так стыдно, что я вот-вот умру!

Я почувствовала, как жар приливает к моему лицу, когда я покраснела. В то же время шеф-повар разговаривал с Герцогом, который продолжал кашлять.

— Что-то не так? Меня беспокоит, что вы продолжаете кашлять.

Господи, кого волнует небольшой кашель? Я снова проигнорировала его.

Это был мирный и ленивый день.

Адель Магнус посмотрел на спящую Анастасию, которая задремала вскоре после еды. Её звездно-серебристые волосы вились вокруг белых щёк и рассыпались по плечам.

Как только люди видели Анастасию, они уже не могли её забыть.

Адель вспомнил нелепое зрелище хвастливых молодых аристократов на вчерашней вечеринке,

которые вели себя дружелюбно, как будто хотели снова встретиться с ним.

Даже если они были несовершеннолетними, они были аристократами, которые в будущем унаследуют наследие своих семей. Однако, увидев Анастасию, все они в недоумении тёрли глаза.

Давно было известно, что дочь Графа Синклера обладала красотой, которую можно увидеть только раз в столетие, но разница между тем, чтобы просто услышать об этом, и тем, чтобы увидеть это лично, была огромной.

Даже при неизлечимой болезни красота Анастасии не угасла. Скорее, она сияла день ото дня.

Подобно растущему инстинктивному осознанию её надвигающейся смерти, начала возникать и ядовитая катастрофа, вызванная её красотой.

Сначала Граф был доволен тем, что его дочь родилась такой же хорошенькой, как он, но позже он начал беспокоиться о том, действительно ли это нормально.

Её красота была абсурдной и непостижимой. Иногда это создавало ощущение несоответствия.

До недавнего времени люди охотно избегали общения с Анастасией, даже будучи поражёнными её красотой. Это было связано с неловкой атмосферой вокруг неё и чувством, что она не от мира сего.

Прежняя Анастасия оставалась далёкой от других людей.

Она предпочитала быть одна и воздерживалась от прогулок, если только не собиралась посмотреть пьесу или оперу.

Её существование естественным образом исчезло из сознания людей.

Если бы кого-нибудь спросили, знали ли они Анастасию, они могли бы лишь смутно припомнить, что, по слухам, она была очень хорошенькой девушкой или что она была дочерью Графа, которая в юном возрасте заразилась неизлечимой болезнью.

Но теперь всё было по-другому.

Анастасия хотела увидеть, услышать и испытать больше, прежде чем умрёт. Теперь она знала, как быть жадной.

И когда Анастасия изменилась, странное чувство дисгармонии, которое окружало её, исчезло,

как будто его смыло. Когда она улыбнулась, все расслабились и искренне похвалили её.

Было очевидно, что после того, как они сядут и поговорят с Анастасией лицом к лицу, большинство людей начнут понимать, насколько очаровательна её скрытая сторона. Она была весёлой, озорной и невероятно милой.

Адель накрыл спящую Анастасию одеялом. Его беспокоило, что она спит, не ворочаясь и почти не дыша, как мёртвая.

Возможно, ему следовало потерпеть, не видя её ещё несколько дней.

Анастасия, должно быть, слишком сильно напряглась, чтобы прийти на вечеринку.

Она, вероятно, готовилась в течение нескольких часов, прежде чем ехать в карете в течение длительного времени, что добавляло ей усталости.

Более того, вполне вероятно, что она продолжала страдать в течение недели.

Адель горько улыбнулся и обвинил свой собственный эгоизм в том, что он попросил Анастасию посетить поместье Герцога.

Но он также был рад встретиться с ней. Хотя то, что она сказала его отцу, было совершенно неожиданным.

Внезапно в дверь постучала горничная. Адель подтвердил, что Анастасия не проснулась, прежде чем выйти из спальни. Горничная вежливо заговорила:

— Прибыл Маркиз Клод.

Герцог Фридрих Магнус презирал глупых людей, которые пытались решить всё с помощью насилия, жажда денег и власти.

Было крайне маловероятно, что его отец лично вызвал Маркиза Клода, который соответствовал этому описанию, в резиденцию

Адель спустился вниз. Он не чувствовал абсолютно никакой необходимости представлять Анастасию Маркизу.

В любом случае, Маркиза вышвырнули бы, даже не дав ему присесть, как и всегда.

И действительно, Фридрих Магнус приветствовал Маркиза перед дверью, нахмутив брови.

Он ясно дал понять, что не пустит Балтазара Клода в холл, не говоря уже о гостиной. Адель некоторое время издали наблюдал за ситуацией.

— Я не приглашал тебя сюда, так почему же ты продолжаешь приходить? Просто плюнь на входную дверь и уходи.

Однако Маркиз не сдвинулся с места.

— Мой дорогой Лорд Герцог*, ты снова заменил входную дверь?

(*Он назвал его "лорд герцог" вместо обычного "герцог", что в этой обстановке является неформальным.)

Балтазар Клод неофициально поговорил с Герцогом. Он был человеком огромной гордости и не хотел признавать тот факт, что Герцог был богаче его.

Конечно, его гордое упрямство было бессмысленным. Единственная причина, по которой Герцог не игнорировал его, заключалась в том, что он отвечал за заботу о работе Уильяма.

(*Уильям — отец Анастасии. Об этом будет упомянуто чуть позже.)

— Ага.

Герцог ответил неискренне, также используя неформальную речь. Это был действительно неблагородный способ общения, но ни одного из них это не волновало. Когда Герцог ответил, покрытое шрамами лицо Маркиза исказилось.

— Я лениво размышлял об этом, но дизайн входной двери, кажется, меняется после каждого моего визита. Ты что, меняешь дверь каждый раз, когда я на неё плюю?

— Ага.

— У тебя так много денег, что они лежат и гниют, да?

— Ага.

— У тебя что, язык заплесневел? Почему ты так отвечаешь?

— Не таявай громко и просто уходи сегодня. У меня нет времени заботиться о тебе.

Герцог отдал прямой приказ уйти вон. Маркиз недовольно проворчал:

— У тебя гость?

— Моя дочь.

Адель был поражён тем, что Герцог так сильно заботился об Анастасии. Это было странное зрелище, даже для него.

Герцог Фридрих не был ни доброжелательным человеком, ни альтруистом. Однако Герцог лелеял не только Анастасию, но и её брата Оскара Синклера.

Вот как важен был для него их отец, Уильям Синклер.

Герцогу было бы всё равно, если бы у брата и сестры была лишняя рука или нога.

Маркиз сразу же понял, о ком говорил Герцог Фридрих.

— Ах, та, у которой неизлечимая болезнь? Она дочь Уильяма, да? Почему же ты называешь её своей дочерью?

Адель спокойно опустил глаза. Намеренное замечание Маркиза о неизлечимой болезни действовало Герцогу на нервы.

Терпение Герцога достигло предела.

Было ясно, как обернётся ситуация, поэтому Адель подошёл и прервал их разговор.

— Я давно вас не видел, Маркиз.

Бальтазар Клод с восторгом приветствовал Аделя.

— Адель! Я задавался вопросом, что мне делать, если я не увижу тебя, но этот страх оказался необоснованным.

Адель слушал болтовню Маркиза со своей обычной безобидной улыбкой.

— Ты всё ещё не похож на своего отца. Я так рад. Продолжай расти таким же хорошим.

Маркиз взял Аделя за плечо и подбодрил его. Герцог бесстрастно наблюдал за ними.

— Так почему же ты здесь?

— На самом деле, на этот раз я получил в свои руки совершенно особую святыню.

Маркиз похвастался, а Герцог прищёлкнул языком.

— Это, вероятно, такая вещь, которую некоторые выбросили бы, думая, что это мусор, потому что он катался по полу. Если ты закончил хвастаться, возвращайся.

Как только Герцог подбородком указал на своих слуг, дверь открылась. Маркиз быстро перешёл к делу.

— Это действительно особая вещь! Она приводит человека в галлюцинаторное состояние и покажет то, что должно произойти! Я не уверен, но это может быть реликвия Анаклето. Если ты хочешь... как насчёт того, чтобы я показал её тебе, прежде чем выставлять в храме?

Реликвия первого папы, Анаклето, была бесценна. Однако Герцог был апатичен.

— Что значит "покажет то, что должно произойти"? В лучшем случае, она покажет, какое у меня будет меню на ужин.

Прежде чем Маркиз успел возразить, Герцог повернулся к Аделью.

Что это за странные главы семей? У всех у них есть эта странная одержимость: у Маркиза к Герцогу, а у Герцога к Графу, кек.

В любом случае, эта реликвия, хм... Интересно, пригодится ли эта штука в будущем...

<http://tl.rulate.ru/book/50319/1519243>